

свежести взгляда и, соответственно, воздвигает между человеком и миром все новые и новые препоны, отдаляя его от нас.

На наш взгляд, классический способ репрезентации оказывается окончательно дискредитирован в третьем случае, когда изображение дополняется обрывками текста, распавшегося на составляющие — слоги, буквы; текста, не несущего более в себе ни смысла, ни информации. В контексте того, что письменность является одним из важнейших завоеваний любой культуры, распад визуального образа текста зримо являл конец новоевропейской культуры, построенной на рациональных основаниях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лехциер В. Л. Это не ТРУБКА, это СИГАРЕТА: ЧЕТЫРЕ ПЕРЕКУРА ПО ПОВОДУ ПРОСТЫХ И НЕПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ // *Mixtura verbotum: сила простых вещей*. Самара, 2007.
2. Турчин В. С. По лабиринтам авангарда. М., 1993.

Владимир
Геннадьевич
БОГОМЯКОВ

ТЮМЕНЬ конца XX в. В РОМАНЕ «КОТИК ПОЛЗАЕВ»

Роман Владимира Богомякова «Котик Ползаев» написан из будущего: в 2050-м г. автору исполнилось 95 лет, он сидит на пне в новом радостном мире, где нет государств, исчезли все мучительные проблемы прошлого века, но вместе с ними и время перестало течь, и пространство стало легко преодолимым без помощи транспортных средств. Однако, взгляд автора обращен назад, в круг прошедших времен, существующих в его памяти случайными и разнородными обрывками, из которых, тем не менее, выветрилось все малозначимое; все обрывки исключительно важны, хотя почему они важны, уже не всегда понятно. Автор отказывается давать им оценку, ему не под силу социальный анализ; он всего лишь свидетель происходившего. Все обрывки прошлого, все прожитые линии так или иначе связаны с городом Тюменью.

Название «Котик Ползаев» явным образом отсылает к повести Андрея Белого «Котик Летаев», заполненной антропософскими и розенкрейцеровскими мифологемами. В «Котике Ползаеве» достаточно много говорится об оккультных кружках и группах в городе Тюмени, существовавших в конце прошлого века. Они оказали значительное влияние на литературное творчество Алексея Михайлова и Константина Михайлова, на песни Романа Неумоева и Егора Летова, на живопись Евгения Вигилянского и т. д. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. происходит обращение значительной

части тюменских поэтов и музыкантов, творческих людей близкого автору круга к православному христианству. Роман передает эту смену жизненных ориентиров, которая, впрочем, коснется не всех: останутся люди, которых Кришна прочно «обнял своими синими ручками».

Переплетая и запутывая разные планы в романе, где героями являются не только реальные и вымышленные люди, но также их философские, религиозные и топологические идеи, литературные персонажи, фольклор, поэзия, кинематограф, рок-музыка, автор, тем не менее, очень бережно относится к голосам из жизни. В «Котике Ползаеве» дословно приводятся три истории: одна рассказана начинающим художником Русланом Рябовым, который устроил акцию с заглядыванием на обратную сторону Черного Квадрата, другая — повествование Евгения Панкова об одержимости деньгами, третья — рассказ Мирослава Бакулина о драке с милиционерами. Автор дословно цитирует три этих жизненных истории, позволяя себе украсить их лишь бессмысленными «какбе» (указание на постмодернистский контекст происходящего), «бе-бе» (холодное, спокойное, безбрежное выражение чистого Я) и эпитетами, характеризующими цвет глаз участников событий. Эти три истории воплощают три жизненных архетипа тюменской жителя-бытия 90-х гг. в XX в.: странные и удивительные творческие порывы, чаще всего уходящие в никуда; лихорадочное зарабатывание денег, превращенных в самоцель, всеми мыслимыми и немыслимыми способами; и драка с милицией как выражение вольно-поднадзорного существования в «паноптической машине», где все мы видны глазу незримой власти.

В романе постоянно происходит движение персонажей. Чаще всего они едут в Москву, иногда — в Саратов, Лондон, Дублин. В «Котике Ползаеве» подробно описывается странный и вполне бессмысленный поход на снегоходах от южной границы Тюменской области до Северного Ледовитого океана. Рассказывается о паломничестве в село Чимеево Курганской области к чудотворной иконе. Безусловно, путешествия и пространственные перемещения действующих лиц есть в данном случае метафора их духовных поисков и духовных перемещений и метаний. При этом пространство, словно бы пространство в понимании первобытного человека, теряет свою скучную однородность; в нем обнаруживается некий смысловой центр, «пуп земли», которым, при ближайшем рассмотрении оказывается город Тюмень. В странном мире будущего, исчезнув с лица земли, подобно древней Чимги-туре, Тюмень продолжает выполнять эту роль смыслового центра, продолжая жить в душе автора. Путешествуют в романе не только люди, путешествуют и трансформируются наши идеи, совершая путь от зооморфического индивидуализма и полной отделенности от всех людей до блаженного подвига юродивых, до странных и непостижимых форм социальности, когда человек и народ дружелюбно тянутся друг к другу и держат друг друга в объятиях, совершая путь от отчаяния до вселенской любви, совершая путь от депрессии до нескончаемой радости.

Роман содержит отсылку к двум текстам, дающим весьма оригинальную характеристику Тюмени конца XX в. и ее жителям: «Тюмень и тюменщички» Мирослава Немирова и «Рок в Сибири или от оккультизма к православию» Романа Неумоева. Мирослав Немиров ставил перед собой достойнейшую цель: описать все, что только есть в Тюмени — климатические явления, дома, улицы, настроения умов, и описать все, что только имеется в основной Вселенной приложительно к городу Тюмени (вот где Тюмень впервые предстает как «пуп земли!»). Но, чем дальше Мирослав Немиров продвигается по направлению к своей заветной цели, тем яснее понимаешь, что он описывает Тюмень небывалую, гораздо лучше той Тюмени, которая существовала в реальности. В этой Тюмени даже кагэбэшники мирно ходили по домам посмотреть, не злоумышляет ли кто чего и начинали разговор со слов «Здравствуй, сосед!». Описывается Тюмень, сгрудившаяся вокруг рок-клуба на улице Мельникайте, для которой судьбоносным событием оказывается не приезд в город одного из партийных бонз или назначение нового нефтяного генерала, но проезд Дэвида Боуи через Тюмень по Транссибирской магистрали на поезде «Владивосток-Москва». Роман Неумоев дотошно описывает путь тюменских музыкантов от оккультизма к православию, но, при всей детальности описаний, текст этот удивительным образом больше скрывает, чем открывает; больше вызывает вопросов, чем сообщает ответов. Автор романа широко и с размахом занимается самоцитированием, причем цитируются тексты наиболее сомнительные, вроде работы «Фуко в гостях у Муко предлагает нечто для теоретического сэконд-хэнда», где мысль достаточно амбивалентна и всегда не вполне прояснена. Образ Тюмени XIX в., совершенно не похожий на образ Тюмени конца XX в. (потому что Тюмень всегда оказывается непохожей на себя саму), возникает из писем Петра Алексеевича Городцова, специалиста по этнографии Сибири, опубликованных в свое время в краеведческом журнале «Лукич».

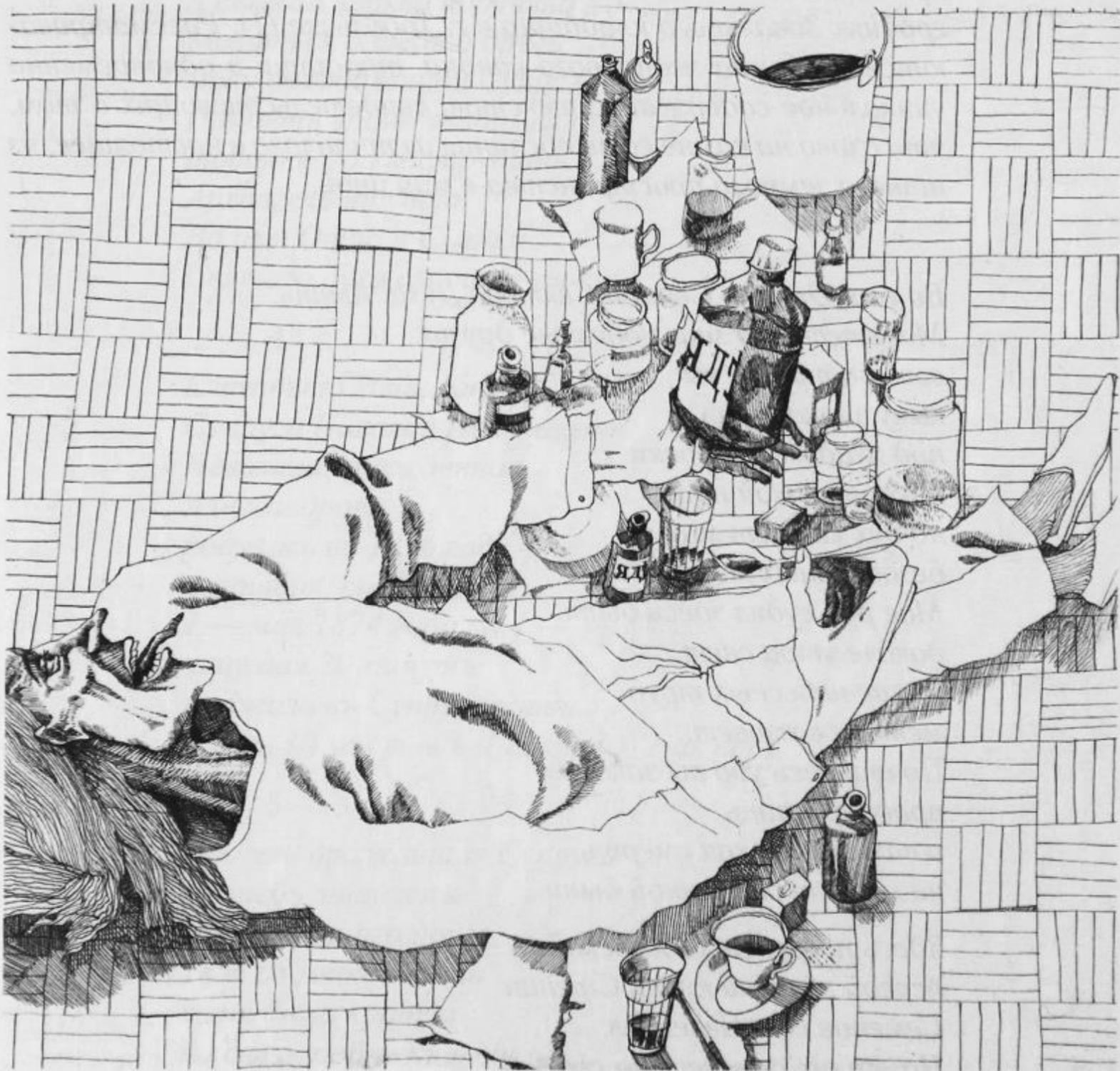
Роман написан в основном монотонной бубнящей речью, с постоянными ритмическими повторами, с выпирающим, иногда усыпляющим наукообразием, с нескончаемыми «какбе» и «бе-бе». Это интонация радио, вкрадчиво бубнящего что-то под одеяло. И радио, действительно, появляется в романе и выполняет исключительно важную роль, кристаллизуя смыслы тюменской жизни в названиях радиопередач. В «Котике Ползаеве» появляется реальная радиопрограмма «Вечный Зов», которая делалась в начале 1990-х гг. на радиостанции «Диполь-Патруль»; она в то время не успела еще увязнуть в трясине унылого диджейства. Программа «Вечный Зов» с восхитительным провинциализмом, домашностью, неформальностью, неформатностью и неполиткорректностью рассуждала о происходящем и неслучившемся. Темы радиопередач: «Старушка-мама», «Моряк», «Пограничник», «Америка», «Немиров», «Кочнев», «Судьба-злодейка», «Манагер», «Винопитие», «Похмелье», «Бабник», «Брайн Ино», «Сны и

сновидения», «Несуществующее искусство», «Жаргон», «Писатель Лагунов», «Психология — лженаука», «Эдуард Лимонов» и «Новый мировой порядок».

Сказанное позволяет охарактеризовать роман «Котик Ползаев» в качестве еще одного свидетельства Тюмени уходящей как места для будущего и будущей свободы, как места, где «все возможно» (М. М. Пришвин), где «бесформенность, хаос, но все же лик» [1, С. 10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богомяков В. Г. Котик Ползаев: роман. М.: Изд-во «Немиров», 2009. Кн. 4.
2. Дворцова Н. П. Между Европой и Азией: сибирское путешествие Михаила Пришвина / Город как культурное пространство. Материалы регион. науч. конф., посвящ. 130-летию со дня рожд. М. М. Пришвина. Тюмень, 2003. С. 10.

С. Перепелкин. ЯД